

Г. В. Синило
(Минск, Беларусь)

ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ Э. ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

Статья посвящена осмыслению кризиса европейской культуры в поэзии Эльзы Ласкер-Шюлер, чье творчество неразрывно связано с экспрессионизмом, но также с символизмом, неромантизмом, югендстилем, модернизмом. Ощушая локализацию своего творчества на границе культур – европейской (немецкой) и еврейской (библейской), поэтесса остро ощущала связь с древними библейскими корнями, с еврейским мистицизмом и подчинила все свое творчество идее примирения враждующих сторон, различных конфессий, устранению непонимания между народами, ксенофобии и антисемитизма, осуждению войн. Синтезируя живопись, музыку, собственно поэтическое слово, поэзия Ласкер-Шюлер несет в себе обостренное ощущение кризиса сознания, упадка европейской цивилизации и надежду на обновление жизни силой искусства, властью поэтического слова.

Ключевые слова: европейская культура XX в., кризис, немецкая поэзия, экспрессионизм, символизм, югендстиль, модернизм, библейская поэзия, еврейская культура, мистицизм, синестезия, синтез искусств, антимилитаризм, протест, ксенофобия, антисемитизм, преодоление вражды, миссия поэта.

Как известно, именно поэты, наделенные тончайшей интуицией, раньше других ощущают «новое звучание воздуха» (М. Цветаева), особенно воздуха предгрозового или грозового, воздуха кризисного времени. Одним из таких поэтов переломной эпохи рубежа XIX–XX вв. – времени тотального кризиса рационализма, прежних духовных ценностей, а затем еще более трагической эпохи двух мировых войн, когда дегуманизация достигла предела, когда уничтожение человека человеком было поставлено на поток, стала Эльза Ласкер-Шюлер (Else Lasker-Schüler, 1869–1945). Ее творчество является одним из самых ярких феноменов немецкой литературы XX в. «Величайшим поэтом современной Германии» назвал Ласкер-Шюлер Карл Краус (цит. по: [1, с. 96]), и «величайшим лирическим поэтом столетия» – Готфрид Бенн (цит. по: [2, с. 52]). Более того, в своей речи во время поэтических чтений, устроенных в честь поэтессы в 1952 г., Бенн определил ее как «величайшего лирического поэта из всех, какие когда-либо были в Германии» [3, с. 537].

Ласкер-Шюлер выступила на литературной арене вместе со старшим поколением экспрессионистов и была, в сущности, в числе его

основоположников. Однако в целом ее творчество не укладывается в рамки экспрессионизма. Вобравшее в себя многое из предшествующего опыта немецкоязычной поэзии (особенно важны традиция Ф. Гёльдерлина, наследие символизма, югендстиль), оно отличается неповторимостью художественных поисков. Кроме того, Ласкер-Шюлер была одной из первых представительниц немецкоязычной поэзии, которая отчетливо ощущала локализацию своего творчества на границе культур, точнее, свою принадлежность сразу двум культурам – немецкой и еврейской. Неслучайно некоторые современные исследователи называют ее еврейско-немецкой поэтессой (см.: [4, с. 13]), как неслучайно Петер Хилле, поэт и художник, один из предтеч экспрессионизма, еще в 1902 г. дал Ласкер-Шюлер поэтическое определение «Черный Лебедь Израиля» («Der Schwarze Schwan des Israels») [5, с. 565]. Мир Библии, равно как и мир еврейской и христианской мистики, был для поэтессы изначально близким и родным. Большое влияние на нее оказали философия диалогизма Мартина Бубера и исследования-интерпретации еврейской мистической традиции (прежде всего Каббалы) Гершома Шолема. В этом плане поэзия Ласкер-Шюлер приобрела парадигматический характер для таких поэтов второй половины XX в., как Нелли Закс, Пауль Целан, Роза Ауслендер, творчество которых также располагается на границе культур. Из поэтов ее поколения Ласкер-Шюлер наиболее близка в типологическом плане Гертруда Кольмар. Современные немецкие литературоведы называют Ласкер-Шюлер первой в ряду трех величайших еврейско-немецких поэтесс XX в., прибавляя к ее имени имена Г. Кольмар и Н. Закс (см.: [6]). Неменьшее право пребывать в этом ряду заслужила Р. Ауслендер. Все они выступили как обновители немецкого поэтического языка. Немецкие исследователи отмечают как удивительный феномен то, что эти поэты (включая П. Целана), будучи в той или иной мере «маргиналами» или «атусайдерами» по происхождению или географии, смогли кардинально преобразовать немецкую поэзию (см.: [2, с. 8]; [7, с. 23]).

Начало творческого пути Ласкер-Шюлер определено еще атмосферой декаданса, прежде всего — символизма, но также эстетизма и югендстиля. Однако с самого начала ощущается ее особое тяготение к поискам нового языка, к словотворчеству в прямом смысле слова. Уже в первом сборнике стихов «Стикс» («Styx», 1902), в котором поэтесса отдает дань символизму и югендстилю, отчетливо слышны мистические настроения, навеянные произведениями П. Хилле, а в сложных ассоциативных образах угадываются визионерские, экстатические черты, свойственные ее зрелому творчеству. Типичное для декаданса настроение усталости от жизни, тяготение к смерти соединяются с жаждой мистического растворения в таинственном,

трансцендентном. В сборнике намечены ключевые темы творчества Ласкер-Шюлер, которые, варьируясь и видоизменяясь, будут развиваться дальше. В первую очередь это тема бегства от суетного мира и погружения в глубины собственной души, в которой именно поэт может прозреть трансцендентную сущность жизни, непостижимую для остальных. В стихотворении «Бегство от мира» («Weltflucht») сказано:

Ich will in das Grenzenlose / Zu mir zurück, / Schon blüht die Herbstzeitlose / Meiner Seele, / Vielleicht ists schon zu spät zurück. / O, ich sterbe unter euch! / Da ihr mich erstickt mit euch. / Fäden möchte ich um mich ziehen / Wirrwarr endend! / Beirrend, / Euch verwirrend, / Zu entfliehn / Meinwärts [8, с. 58].

(Я хочу в безграничное / Ко мне назад, / Уже цветет осенний безвременник / Моей души, / Может быть, уже поздно назад. / О, я умираю среди вас! / Здесь вы задушили меня собой. / Я хотела бы обмотать себя нитями, / Чтобы покончить с путаницей! / Сбиваясь с толку, / Вас запутывая, / Бежать / Внутрь себя. – Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.)

Весьма показательно это финальное *meinwärts*, образованное как авторский неологизм от *einwärts* – «внутри». Собственно, *meinwärts* и есть главное место действия поэзии Ласкер-Шюлер; ее волнует не сам мир, но его проекция во внутреннее «я» поэта.

Поэт бросает вызов хаосу мира, чтобы преодолеть его, но самым непреодолимым оказывается страшное одиночество, поселившееся в душе (стихотворение «Хаос» – «Chaos»). Тема неприютности сердца – поэтического и женского – одна из важнейших у Ласкер-Шюлер. Иногда ее лирической героине хочется предельного (или беспредельного) усиления боли, чтобы навсегда вернуться к себе самой, в единственную родину – в материнское чрево, «под материнскую грудь», а если это невозможно, то хотя бы найти «возлюбленного сердцем» (выражение из Песни Песней) и обрести упокоение (похоронить себя) в его плоти («Хаос»): «...Möcht einen Herzallerliebsten haben, / Und mich in seinem Fleisch vergraben» [8, с. 54, 56] («...Хотелось бы, чтобы был у меня любимый всем сердцем, / И похоронить себя в его плоти»). Так вводится столь органичная для Ласкер-Шюлер тема любви-спасения, любви как защиты от мира, как синонима творческого дара. Неслучайно уже в «Стикс» вошло стихотворение «Суламифь» («Sulamith»), позднее включенное автором в сборник «Древнееврейские баллады»: героиня библейской поэмы о любви – Песни Песней – становится своего рода Alter ego поэтессы и метафорой любящей души. И уже здесь – пророческое предвидение собственной судьбы: «...Und meine Seele verglüht in den

Abendfarben / Jerusalems» [8, с. 206] («...И моя душа отпылает в вечерних красках / Иерусалима»).

В наибольшей степени в ранний период творчества Ласкер-Шюлер испытала влияние П. Хилле, которого провозгласила поэтом-пророком, поэтом-ясновидцем. После преждевременной смерти учителя и старшего друга в 1902 г. поэтесса своеобразно канонизировала его как Святого Петра в первом сборнике лирической прозы – «Книга о Петере Хилле», или «Книга Петера Хилле» («Das Peter-Hille-Buch», 1906). Ушедший из жизни друг предстает как мифический персонаж, с которым поэтесса странствует по многим странам, в том числе и воображаемым. Эту книгу, представляющую собой собрание бессюжетных фрагментов, набросков воспоминаний, осколков мифов и легенд, можно назвать точкой отсчета, с которой начинается самомифологизация в стиле театрализованной эстетической карнавальности, наложившая неизгладимый отпечаток на дальнейшую жизнь и творчество Ласкер-Шюлер.

Писательница продолжает создавать собственные миры, собственную мифологию, примеривая на себя различные костюмы и маски. Обладая неудержимой фантазией, она в воображении переносится в экзотические страны Востока, как в сборнике лирической прозы «Ночи Тино из Багдада» («Die Nächte der Tino von Bagdad», 1907), или поверяет душевные тайны несуществующему другу-индейцу в романе в письмах о берлинской богемной жизни «Мое сердце» («Mein Herz», 1912). Первым и любимейшим мифологическим образом, который Ласкер-Шюлер использует как маску, становится Юсуф из Фив (Jussuf aus Theben), который позднее будет ассоциироваться в ее творчестве с библейскими Иосифом и царем Давидом. В поэтической образности и топике этих произведений, равно как и в лирике, создающейся в период богемной жизни в Берлине, отчетливо различимы черты югендстиля: упоение жизнью, эротическое наслаждение, весенние настроения в феерическом танце находят выражение в традиционных стихотворных формах и свободных ритмах, в невероятной звукописи и красочности стиха.

Однако уже в эти годы поэтесса погружена преимущественно в сферу мистических настроений и переживаний. Прежде всего ее волнует проблема взаимосвязи Бога, мира и поэта. По мысли Ласкер-Шюлер, именно поэт с помощью данного ему Богом дара – священного озарения – приготавливает место в мире Всевышнему, приближающемуся к людям в священный Седьмой День – Субботу (сборник стихотворений «Седьмой день» — «Der siebente Tag», 1905). Одновременно в сборнике «Седьмой день» углубляется тема сиротства поэтического сердца, одиночества, усугубленного утратой

матери, чей образ предстает как образ ангела-хранителя («Mein stilles Lied» – «Моя тихая песня»).

Неприятие безобразной реальности мира, движущегося к катастрофе Первой мировой войны, приводит к углублению интроспективно-субъективистского начала в поэзии Ласкер-Шюлер, к сосредоточенности на тончайших движениях поэтической души и одновременно к стремлению осмыслить мир как Божественное целое, что особенно сказывается в поэтическом сборнике «Мои чудеса» («Meine Wunder», 1911). Именно после его выхода в свет о Ласкер-Шюлер заговорили как о первой поэтессе, начавшей писать в манере экспрессионизма. Действительно, стихи этого сборника, который поражает необычностью цветовой палитры и свободой ассоциативного образного мышления, в котором нерифмованные завершенные двуступиши соединяются по принципу коллажа (отныне это становится главным отличительным признаком манеры Ласкер-Шюлер), обнаруживают удивительное родство не только с поэзией, но и с живописью экспрессионизма. Американские исследовательницы А. Дурхслаг-Литт и Дж. Литман-Демистр отмечают: «В этих внешне диалогических стихотворениях крик сердца – крик экстатической веры и одновременно острой боли – мощно выражается в завершенных строфах, подобных насыщенному энергии коллажу. “Новая свобода ассоциаций”, освобождение образа от миметической основы во внешней реальности, столь характерное для искусства экспрессионизма, очевидно в “Моих чудесах”. Поразительный цветовой символизм, обнаруживающийся у многих художников-экспрессионистов, явился логическим следствием этой свободы. Подобно многим ее друзьям-художникам, Ласкер-Шюлер ощущала мир как особое сочетание красок и передавала это ощущение в своей поэзии. Наиболее часто встречающимся и наиболее насыщенным по смыслу цветом в палитре Ласкер-Шюлер является голубой – цвет, который для нее выражает все чистое и Божественное в мыслях и чувствах человечества. Несмотря на то что Ласкер-Шюлер обращалась к технике экспрессионистов, – и часто она определяется как поэт-экспрессионист – она прежде всего находила в экспрессионизме конгениальное созвучие своему собственному образному мышлению, в котором нет ограничений времени, пространству и логике» [4, с. 26–27].

Важно также, что Ласкер-Шюлер с детства занималась живописью, была талантливой художницей, иллюстрировала собственные сборники, серьезно занималась фотографией. Вероятно, еще в силу этого, а также данного ей особого дара синестезии, особого восприятия звука и цвета, поэзия Ласкер-Шюлер отличается особым звуковым и цветовым

символизмом и является своеобразным синтезом искусства слова и живописи.

Очень многие стихотворения в «Моих чудесах» посвящены поэтам и художникам-экспрессионистам, с которыми поэтесса очень тесно общалась в этот период, – Г. Траклю, Ф. Верфелю, Г. Гроссу, Г. Бенну, Ф. Марку, Л. Кракауэру и другим. В них и в их произведениях, в творческом даре человека она усматривала подлинные чудеса этого мира, оправдывающие Творца и его творение. В понимании Ласкер-Шюлер, художник продолжает дело, начатое Богом в дни творения, и, подобно ему, создает свои творения, передавая им собственную энергию, создавая свой собственный язык. Одним из *сотворцов* Божественного мира был для для поэтессы Голубой Всадник – Ф. Марк. Подобно ее собственным поэтическим созданиям, голубые и красные лошади или зеленые лисицы Марка были выражением его видения мира – не внешней, но внутренней реальности. Для Ласкер-Шюлер Марк был прежде всего творцом в почти библейском смысле слова – или по меньшей мере Адамом Первоначальным, или библейским патриархом, прокладывающим неизведанные пути («Франц Марк»). В большом стихотворении в прозе «Франц Марк», написанном уже после Первой мировой войны, на которой погиб художник, его образ еще в большей степени овеян библейскими ассоциациями, оснащен дерзкими параллелями с Творцом, Адамом и пророком Моисеем. Подобно Богу, художник дает жизнь прекрасному и необычному миру; подобно Адаму, он дает имена всем живым существам; подобно пророку Моисею, говорит «лицом к лицу» с Богом, ведет и спасает свой народ. Но при этом художник погибает под ударами земного мира, нарушившего Божественную гармонию, и единственным утешением для него становится то, что душа его возносится на небо, превращается в голубое знамя в руках Бога (см.: [8, с. 142–144]).

Во всех стихотворениях Ласкер-Шюлер, посвященных художникам, звучит мысль о первозданной мощи художника-творца, вдыхающего свою творческую энергию в создаваемые им творения. С языком пластических искусств сходен, по мысли поэтессы, язык поэзии, превосходящий возможности конвенционального языка, единственно способный выразить тайну творения и продлить сам процесс творения, давая смысл нашему миру.

Тайна поэзии для Ласкер-Шюлер неотделима от тайны любви, обладающей неменьшей преобразующей силой, творящей чудесные миры. Вот почему закономерно тема любви становится одной из важнейших в «Моих чудесах». Только любовь дает подлинную жизненную силу и преодолевает страх смерти, побеждает самоё смерть (эта мысль звучит в стихотворении «Сенна Гой» – «Senna Hoy»; анаграмма имени *Johannes*): «O deines Blutes Rosen / Durchtränken sanft den Tod. // Ich habe keine Furcht mehr /

Vor dem Sterben» [8, с. 134] («О, розы крови твоей / Напоили нежностью смерть. // И я не боюсь умереть / Отныне»; перевод Г. Ратгауза [9, с. 187]).

Любовь становится подлинным проводником к Богу, но трагедия этого мира заключается именно в его нелюбовности, в том, что каждый человек отдален от Бога. Безусловно, Ласкер-Шюлер была религиозно мыслящим и чувствующим человеком, но ее религиозность имела преимущественно внеконфессиональный характер. Тем не менее по мере творческой эволюции поэтессы в ней все более крепнет ощущение причастности еврейской культуре, древней библейской традиции. Это особенно ярко отразилось в ее знаменитом сборнике «Древнееврейские баллады» («Hebräische Balladen», 1913). В нем Ласкер-Шюлер обновляет жанр баллады, равно как и так называемого библейского стихотворения, представляющего собой парафраз какого-либо эпизода Библии. При этом поэтесса дает очень индивидуальное прочтение того или иного образа, часто сознательно отступая от библейского сюжета, и делает акцент на раскрытии внутреннего мира персонажа. Через галерею библейских образов воплощается связь древности и современности, сплавляется мощь библейских героев и «я» поэта.

Усиливающееся внимание к еврейской религии, прежде всего к мистике Каббалы и хасидизма не делает Ласкер-Шюлер ортодоксально мыслящей иудейкой, но наоборот – настраивает ее на экуменический лад. Писательницу сильно волновала проблема преодоления религиозных предрассудков, в ней с юности жило стремление примирить мировые религии. Об этом она говорит в своем эссе «Астрология» («Sterndeuterei», 1911), в книге «Принц из Фив» («Der Prinz von Theben», 1914), в рассказе «Чудесный раввин из Барселоны» («Der Wunderrabbiner von Barcelona», 1921).

Чем больше цивилизованная Европа погружается в бездну раздоров, тем судорожнее, тем напряженнее были усилия поэтов-экспрессионистов, в том числе и Ласкер-Шюлер, предотвратить катастрофу. Поэтесса тяжело переживает трагедию Первой мировой войны, гибель друзей – Марка и Тракля. С потерей друзей смыкается круг одиночества: «Georg Trakl erlag im Krieg, / Von eigener Hand gefällt. / So einsam war es in der Welt. / Ich hatt ihn lieb» [9, с. 188] («Георг Тракль больше жить не мог, / Он пал на этой войне. / На земле любой – одинок. / Как он дорог был мне...»; перевод Г. Ратгауза [9, с. 189]). Особенно тяжким ударом для поэтессы была весть о гибели под Верденом в 1916 г. Голубого Всадника. Эта гибель стала для нее зримым знаком того «заката Европы», о котором писал О. Шпенглер и который столь поэтически предвещал в своей «Песне закатной страны» («Песне Европы» – «Abendlandslied») Г. Тракль. Вместе с Верфелем и Гроссом Ласкер-Шюлер

часто выступает на антивоенных вечерах, а в 1918 г. она с сочувствием встречает Ноябрьскую революцию в Германии.

Однако политика не влечет поэтессу. Она все больше погружается в собственный мир и мир мистических штудий. Особенно усиливаются эти настроения после еще одной, самой тяжелой для нее утраты – преждевременной смерти в 1927 г. сына Пауля, талантливого художника и самого близкого ей человека. Ему исполнился всего 21 год. «После этой утраты поэтесса все больше углубляется в себя; однако на этот раз ее поиски преодолевают пределы личного и уходят к архетипическим корням; она глубоко погружается в еврейскую традицию, в чтение еврейских мистических текстов и Каббалу» [4, с. 32].

Ощущение глубинной связи с еврейским народом усиливается перед лицом нацистской угрозы. В абстрактно-символической пьесе «Артур Аронимус и его отцы» («Arthur Aronymus und seine Väter», 1932) Ласкер-Шюлер изобразила светлый идиллический мир детства, в котором антисемитизм побежден любовью. В том же 1932 г. писательница была удостоена престижной литературной премии имени Г. Клейста. Однако несмотря на известность, обретенную в годы Веймарской республики (выход прижизненного десяти томного собрания сочинений, активное изучение творчества), в 1933 г., после прихода к власти нацистов, она решила покинуть дорогой ее сердцу Берлин и уехать из Германии. Это решение было принято молниеносно и в страшной ситуации: на берлинской улице поэтессу, которой в это время было 64 года, окружила группа нацистов и избивала ее до полусмерти железными прутьями; едва опомнившись, она, даже не вернувшись в свою квартиру, отправилась на вокзал и взяла билет до Цюриха.

До 1939 г. поэтесса живет в Швейцарии под постоянной угрозой высылки (в 1938 г. она была лишена германского гражданства), а с 1939 г. – в Палестине, где ее застала Вторая мировая война, помешавшая вернуться в Швейцарию. До этого, в 1934 и 1937 гг., Ласкер-Шюлер совершает в Палестину две поездки, итогом которых стал лирический очерк «Земля древних евреев» («Das Hebräerland», 1937). Он исполнен любви и нежности к древней земле праотцев и особенно к Иерусалиму, который писательница называет «невестой, укрытой фатой для Бога» («Gottes verschleierte Braut» [8, с. 156]), «невестой, избранной Богом» («Gottes auserwählte Braut» [8, с. 160]), «целительной купелью души» («das heilende Bad der Seele» [8, с. 158]).

Обретя новую родину в Святой Земле, в Иерусалиме, Ласкер-Шюлер все же чувствовала себя чужой, хотя бы потому, что здесь не в ходу было немецкое слово, которое она ощущала как родное. Здесь же немецкий язык воспринимали как «язык убийц», здесь преимущественно говорили и писали

на возрожденном и обновленном иврите. Несмотря на слабое здоровье, в 1941 г. писательница создает в Иерусалиме литературный кружок «Грааль», где выступает с чтением своих произведений. Она читает их при свечах, нараспев, под звуки колокольчиков и гармоники. И специально приглашает на эти вечера и маститых, и молодых писателей, заботясь о том, чтобы последние общались с первыми. К ней приходят те, кто знает ее поэзию, кто может оценить масштаб ее таланта. Среди них – крупнейший израильский прозаик XX в., будущий нобелевский лауреат Шмуэль Йосеф Агнон.

В целом же Ласкер-Шюлер, со своей неприспособленностью к жизни, со своей мечтательностью и душевным надломом, со своими необычными нарядами, эксцентричным поведением, кажется экзотической пестрой птицей в иерусалимском пейзаже. Она по-прежнему поражает всех, кто общается с ней, своей беззащитностью, наивностью, детской доверчивостью. Поэтесса живет в неотапливаемой комнате, в которой практически отсутствует мебель, спит в шезлонге. Друзья не раз уговаривали ее переселиться в более комфортабельное жилище, но она отказывалась, мотивируя это тем, что тогда не сможет видеть из своего окна святые могилы на горах Моава (где-то там, согласно Библии, на горе Нево, находится таинственно сокрытая Богом могила пророка Моисея).

В такой атмосфере создаются последние произведения Ласкер-Шюлер. Попытка понять логику алогичной истории она предпринимает в наполненной страшными пророчествами, мастерски написанной дольником фантазмагорической трагедии, в которой просматриваются прямые аллюзии на гётевского «Фауста» – «Я и Я» («Ich und Ich», 1940–1941)¹. Ее действие происходит у стен Старого города в Иерусалиме и в аду: здесь пируют Фауст и Мефистофель, Гитлер и Геббельс. Проблема раздвоения личности, точнее – наличия в человеке двух начал – созидательного и разрушительного, фаустианского и мефистофелевского, всегда занимала поэтессу. Соединить две ее половинки – значило для Ласкер-Шюлер преодолеть расовые, религиозные и прочие предрассудки и противоречия. Поэтесса выступает в пьесе как связующее звено – «и» – между Фаустом и Мефистофелем, двумя ипостасями «Я», олицетворяя собой утопию свидетельства перед Богом о примирении враждующих сторон. Пьеса, звучащая как гневное обличение агрессивности и нетолерантности, антисемитизма как явления, абсолютно чуждого христианской морали, до сих пор столь актуальна, что впервые была поставлена в Дюссельдорфе и Вуппертале лишь в 1979 г., а издана в Мюнхене в 1980 г.

¹ Ср. цитату из первой части «Фауста»: «Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust» («Ах, две души живут в груди моей»).

Последней прижизненной книгой Ласкер-Шюлер стал поэтический сборник «Мой голубой рояль» («Mein blaues Klavier», 1943), вышедший в Иерусалиме тиражом в 330 экземпляров с иллюстрациями автора. В нем прежде всего с огромной силой выражена тоска беззащитного сердца во времена, когда «мир озверел», на земле, где вся жизнь – как «по скользкому гравия» (одноименное стихотворение – «Über glitzernden Kies»):

Könnt ich nach Haus — / Die Lichte gehen aus – / Erlischt ihr letzter Gruss. // Wo soll ich hin? / Oh Mutter mein, weisst du's? / Auch unser Garten ist gestorben!.. // Es liegt ein grauer Nelkenstrauss / Im Winkel wo im Elternhaus. / Er hatte grosse Sorgfalt sich erworben. // Umkränzte das Willkommen an den Toren / Und gab sich ganz in seiner Farbe aus. / Oh liebe Mutter!.. // Versprühte Abendbrot / Am Morgen weiche Sehnsucht aus / Bevor die Welt in Schmach und Not. // Ich habe keine Schwestern mehr und keine Brüder. / Der Winter spielte mit dem Tode in den Nestern / Und Reif erstarrte alle Liebeslieder [8, с. 230, 232].

Хочу домой, как встарь, / Но гаснет последний фонарь, // Что мне посылает приветы. // Куда я пойду? / Мама, где ты? / Умер наш сад!.. // Увяли в пыльной истоме / Гвоздики в родительском доме. / А гвоздикам был каждый рад: // Всем входящим на диво / Они горели красиво. / Мама, любимая!.. // Заря дарила всегда / Нежность в предутренней дреме, / Пока не явились позор и беда. // Нет у меня сестер, братья мои не воскреснут. / Январь над птицами гибель простер, / Иней убил любовную песню (*перевод Г. Ратгауза*) [9, с. 191, 193].

Стихотворение «По скользкому гравия...» – одно из самых сильных в сборнике «Голубой рояль». Оно акцентирует важнейшую тему позднего творчества Ласкер-Шюлер: тоска по родному дому, по близким, по подлинному домашнему теплу, по подлинной человечности и любви. Однако здесь и нечто большее, чем интимные чувства: негромкий голос поэта выражает трагедию мира и трагедию своего народа: «Нет у меня сестер, братья мои не воскреснут».

В сборнике «Мой голубой рояль» на наших глазах происходит борьба смерти и любви, безысходного отчаяния и надежды. Эту надежду олицетворяет столь значимый для Ласкер-Шюлер голубой цвет – цвет неба, цвет юности, цвет творчества, цвет Голубого Всадника. Программное стихотворение «Мой голубой рояль», давшее название сборнику, наполнено тоской по друзьям, которые когда-то понимали с полуслова, тоской по счастью творчества, тоской от невозможности писать, как прежде, ибо мир «одичал», «озверел» (*verrohte*):

Ich habe zu Hause ein blaues Klavier / Und kenne doch keine Note. // Es steht im Dunkel der Kellertür, / Seitdem die Welt verrohte. // Es spielten Sternenhände vier / – Die Mondfrau sang im Boote – / Nun tanzen die Ratten im Geklirr. // Zerbrochen ist die Klaviatur...

/ Ich beweine die blaue Tote. // Ach liebe Engel öffnet mir / – Ich ass vom bitteren Brote – / Mir lebend schon die Himmeltür – / Auch wider dem Verbote [8, с. 228].

(У меня есть дома голубой рояль, / Но я не знаю ни одной ноты. // Он стоит в темноте перед дверью в подвал / С тех пор как мир озверел. // Играли звезды в четыре руки / – Лунная дева пела в челне – / Теперь на нем танцуют крысы под скрежет. // Разбита клавиатура... / Я оплакиваю голубую покойницу. // Ах, милые ангелы, откройте мне / –Я вкусила от горького хлеба – / Мне, живой еще, дверь на небо – / Даже вопреки запрету.)

Голубой рояль, который оплакивает сердце поэта, – символ гармонии мира, но прежде всего – символ творчества, символ собственной поэзии и немецкой поэзии вообще (не случайно все стихотворение написано рифмованным дольником, который так любили немецкие штюрмеры и романтики). В огрубевшем, ожесточившемся мире нет места гармоничному звучанию поэзии. Одиному сердцу только и осталось, что оплакивать этот мир и себя в нем. Хайнц Политцер, писатель и друг Ласкер-Шюлер, очень точно назвал это стихотворение «плачем Орфея» [10, с. 344]. И все же – на пределе возможностей – Орфей продолжает петь. Смерти, угасанию, разрушению противостоят творчество и любовь – любовь к ушедшим из этого мира или находящимся далеко друзьям. Не случайно одно из программных стихотворений сборника называется «Моим друзьям» («An meine Freunde»). Воспоминания о друзьях уже на этой земле дают возможность соединить земное и небесное, преходящее и вечное. В финале стихотворения вновь возникает голубой – цвет небес, юности, жизни, вечности. И этот же голубой ассоциируется у Ласкер-Шюлер с Иерусалимом, иерусалимским небом. Образ Иерусалима – Небесного Града, приближающего человека к Богу, позволяющего уже на земле ощутить вечность, – занимает существенное место в сборнике «Мой голубой рояль» и в позднем творчестве поэтессы в целом.

В первые послевоенные десятилетия имя Ласкер-Шюлер оказалось полузабытым. «Лишь с середины 1960-х гг., – отмечает Г. И. Ратгауз, – когда в литературе обоих германских государств настойчиво (хотя и в разном преломлении) возникает тема “непреодоленного прошлого”, внимание к творчеству Ласкер-Шюлер и других писателей-эмигрантов возрастает; в ней начинают видеть “величайшую немецкую поэтессу со времен Дросте” (Ст. Хермлин)» [11, с. 317]. Вероятно, это связано прежде всего с тем, что в своей поэзии она сумела соединить всю многокрасочность жизни и ее беспредельный трагизм, обостренное ощущение бездны, к которой подошла европейская цивилизация, и надежды на духовное возрождение человека.

PERCEPTION OF EUROPEAN CULTURE CRISIS IN ELSE LASKER-SCHÜLER'S POETRY

The article deals with perception of European culture crisis in Else Lasker-Schüler's poetry, which is inseparably linked with expressionism, and also with symbolism, neoromanticism, Jugendstil, modernism. Perceiving localization of her creativity on the boundary of cultures – European (German) and Jewish (Biblical), poetess sharply felt a connection with ancient biblical roots, Jewish mysticism and dedicated all her creative work to the idea of conciliation of feuding sides, different confessions, eliminating misunderstanding between nations, xenophobia and anti-Semitism and blaming wars. Synthesizing painting, music, the very poetic word, Else Lasker-Schüler's poetry carries a sharpened feeling of crisis of consciousness, decline of European civilization and hope on renovation of life with the strength of art, the power of poetic word.

Key words: European culture of the XXth century, crisis, German poetry, expressionism, symbolism, Jugendstil, modernism, Biblical poetry, Jewish culture, mysticism, synaesthesia, synthesis of arts, antimilitarism, protest, xenophobia, anti-Semitism, conciliation of feud, poet's mission.

Список литературы

1. Grunfeld, F. V. Prophets Without Honor / F. V. Grunfeld. – N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1979. – 290 p.
2. Wallman, J. P. Else Lasker-Schüler / J. P. Wallman. – Mülacker: Stieglitz, 1966. – 310 p.
3. Benn, G. Essay-Reden / G. Benn. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. – 580 S.
4. Durchslag-Litt, A. Introduction / A. Durchslag-Litt, J. Litman-Demeestère // Selected Poems / E. Lasker-Schüler; trans. from the German by A. Durchslag-Litt and J. Litman-Demeestère; with a Preface by Y. Amichaj. – Los Angeles&København: Green Integer, 2002. – P. 13–41.
5. Else Lasker-Schüler: Dichtungen und Dokumente / hrsg. von E. Ginsberg. – München: Kösel-Verlag, 1951. – 680 p.
6. Bauschinger, S. Else Lasker-Schüler / S. Bauschinger // Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts / hrsg. von H. Steinecke. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1996. – S. 125–136.
7. Schnell, R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945 / R. Schnell. – Stuttgart, 1993. – 450 S.
8. Lasker-Schüler, E. Selected Poems / E. Lasker-Schüler; trans. from the German by A. Durchslag-Litt and J. Litman-Demeestère; with a Preface by Y. Amichaj. – Los Angeles&København: Green Integer, 2002. – 262 p.
9. Германский Орфей: Поэты Германии и Австрии XVIII–XX веков: на нем. и рус. яз. / вступ. ст., пер., сост., примеч. Г. И. Ратгауза. – М.: Книга, 1993. – 445 с.
10. Politzer, H. The Blue Piano of Else Lasker-Schüler / H. Politzer // Commentary. – 1950. – № 9. – P. 335–344.

11. Ратгауз, Г. И. Ласкер-Шюлер, Эльза / Г. И. Ратгауз // Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П. М. Топер. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 316–318.